

История, культура, развитие как образующие историко-генетической парадигмы

Т.Д. Марцинковская*,

ФГБНУ «Психологический институт РАО», Москва, Россия,
tdmartsin@gmail.com

Рассматриваются методологические проблемы современной психологии, показывается необходимость построения психологии как мультипарадигмальной науки, связанной с естественнонаучной и гуманитарной парадигмами. Раскрывается содержание двух уровней детерминации становления психики, являющихся ведущими для разных сторон психического развития. Первый уровень, направленный на сохранение эмоционального благополучия, связан с общими законами становления психики, в то время как второй направлен на личностную самореализацию, а процесс психического развития опосредован культурными и индивидуальными трансляторами. Вводится понятие «психологическая транзитивность», раскрывается содержание психологической транзитивности и показываются варианты построения методологии, адекватной вызовам современности, необходимости исследования психики в современном изменчивом и неопределенном мире. Обосновывается структура историко-генетической парадигмы, раскрывается содержание ее четырех уровней: общие закономерности психологической науки, психика в контексте истории и культуры, анализ научных школ, анализ отдельных проблем. Показывается теоретическое и практическое значение историко-генетической парадигмы.

Ключевые слова: методология, психологическая транзитивность, детерминация, историко-генетическая парадигма.

Проблема детерминации психического развития

Проблема развития психологического знания, факторов и условий, детерминирующих научный прогресс, всегда была одной из центральных методологических проблем. Новые тенденции в развитии науки не могли обойти стороной ее методологию, в том числе и вопрос о критериях, определяющих научное знание, и роли субъективных, личностных факторов в его становлении.

Поиски смысла научной деятельности, роли и границ воздействия научных открытий на общественное сознание связаны как с методологией, так и с анализом тех проблем, с которыми наука и общество столкнулись в последние годы. Особенно важным такой анализ представляется вследствие того состояния неопределенности, которое переживает российская наука [9; 5; 7]. Это актуализирует вопрос о том, в рамках каких парадигм пройдет дальнейшее развитие психологии.

Еще в конце XX в. проблема построения психологии как мультипарадигмальной науки, связываю-

щей философские и естественнонаучные основания, стала значимой не только для теории, но и для построения психологических исследований. Вопрос о сочетании естественнонаучных и гуманитарных постулатов вставал во всей своей многогранности и сложности, исходя из необходимости диалога, что возможно только на основе междисциплинарных подходов. Особую актуальность такой поиск разных подходов и преодоление границ между ними и для методологии, и для эмпирики приобретает изучение истоков активности человека.

Применение законов, открытых в когнитивной психологии и психофизиологии к психологии развития ставит перед наукой много новых вопросов, при этом серьезной проблемой здесь становится не столько соотношение разных принципов, сколько вопрос о детерминантах развития человека. Уже аксиоматичным стало положение о трех уровнях детерминации в становлении и функционировании мотивационной человека — биологической, социальной и духовной. Человек, как любое живое существо, стремится к сохранению и продолжению своего рода, поэтому, естественно, факторы, определяющие биологиче-

Для цитаты:

Марцинковская Т.Д. История, культура, развитие как образующие историко-генетической парадигмы // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 4. С. 69–78. doi:10.17759/chp.2015110406

* Марцинковская Татьяна Давидовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии подростка ФГБНУ «Психологический институт РАО», Москва, Россия, e-mail: tdmartsin@gmail.com

скую адаптацию, важны и для него. Однако самые естественные потребности человека — в пище, тепле, безопасности — реализуются в обществе, имеющем определенную структуру (одну из позиций в которой занимает каждый конкретный человек) и правила поведения, а потому опосредованы социальными отношениями и новым уровнем детерминации — социальным. В то же время, как показали многочисленные исследования, прежде всего в экзистенциальной психологии и философии, человеку важно не только сохранить себя, но и реализовать. Возможно, в этом проявляется и неистребимая тяга людей к бессмертию — если не физическому, то духовному, и поиски смысла и цели жизни связаны именно со стремлением обрести ту сферу деятельности, в которой человек может оставить после себя наиболее значимый след.

Из такого сочетания разных видов детерминации вытекает и сочетание различных подходов к развитию личности, эмоций и когнитивных людей. Жесткий детерминизм, постулированный в естественнонаучной парадигме, не соотносится с философским утверждением того, что процесс духовного становления, самореализации человека не ограничивается причинно-следственными связями, но может быть рассмотрен через связи смысловые. В то же время выход из пространства причинно-следственных отношений неминуемо приводит психологию к сакральному взгляду на психику человека, признанию духовных феноменов не поддающимся научному исследованию и объяснению. Поэтому особую значимость приобретают подходы, в которых психическая жизнь человека выводится из-под законов естественнонаучной детерминации, но вводится в русло культурной детерминации, управляющей продуктивной деятельностью людей. При этом именно в контексте определенной культуры и социальной ситуации развития можно судить и о причинах, и о смысле того или иного поступка человека, и о его значении для окружающего [4].

Исследования различных проблем, связанных как с когнитивными процессами, так и развитием личности или мотивации, также как и изучение этапов становления психики, показывает, что вопрос о детерминации развития психики не теряет своей актуальности. Применение законов, открытых в когнитивной психологии и психофизиологии к персоналистической психологии или психологии развития ставит перед наукой много новых вопросов, при этом серьезной проблемой здесь становится не столько соотношение разных принципов, сколько вопрос о специфических детерминантах развития человека. Уже аксиоматичным стало положение о трех уровнях детерминации в становлении и функционировании мотивационной сферы человека — биологической, социальной и духовной. Человек, как любое живое существо, стремится к сохранению и продолжению своего рода, поэтому, естественно, факторы, определяющие биологическую адаптацию, важны и для него. Однако самые естественные потребности человека — в пище, тепле, безопасности — реализуются в обществе, имеющем определенную структуру (одну

из позиций в которой занимает каждый конкретный человек) и правила поведения, а потому опосредованы социальными отношениями и новым уровнем детерминации — социальным. В то же время, как показали многочисленные исследования, прежде всего в экзистенциальной психологии и философии, человеку важно не только сохранить себя, но и реализовать. Возможно, в этом проявляется и неистребимая тяга людей к бессмертию — если не физическому, то духовному, и поиски смысла и цели жизни связаны именно со стремлением обрести ту сферу деятельности, в которой человек может оставить после себя наиболее значимый след.

В то же время проблема развития психики тесно связана с вопросом ее саморазвития и самоорганизации, который, как правило, анализировался в двух плоскостях. Во-первых, изучалось, как отличаются процессы самоорганизации в психическом, одушевленном мире от аналогичных процессов организации в живой (допсихической) и неживой природе. Второй аспект исследований связан с анализом процессов саморазвития и самоорганизации психики в искусственном, а не природном мире, изучением того, какие существенные отличия возникают при переходе от человека естественного к человеку культурному и в какой мере здесь вообще можно говорить о синергетических/энтропийных тенденциях. Введение таких понятий, как «образ Я» и «социальная ситуация», переводит размышления в новую плоскость, придавая им уникальность, свойственную всем исследованиям психического развития человека, в той или иной мере с необходимостью учитывающим индивидуальные траектории и мультидетерминированность этого развития.

Структурируя эти работы, ученые, совершенно справедливо, стремились найти какой-то единый дискурс, в котором рассматривался бы процесс самоорганизации психики человека, детерминанту, которая выстраивала бы также и процесс саморазвития. Это могло быть стремление к целостности (холизму), или, напротив, к его нарушению, стремление к оптимальной для выживания в физическом и социальном мире иерархии потребностей; детерминантой самоорганизации могла стать иерархия деятельностей, стремление к самоактуализации, балансу идентичностей, обретение смысла жизни, формирование модели психического или конгруэнтности образа мира. Стимулом, включающим эти процессы саморазвития, могла стать неадекватность (отсутствие конгруэнтности) образа мира, нарушение баланса идентичностей, несформированность модели психического и т. д.

Представляется, что в качестве такой детерминанты, определяющей направление и динамику течения синергетических/энтропийных процессов в развитии психики может рассматриваться и образ «Я». Образ «Я» является одним из основополагающих понятий в психологии и определяет не только содержание осознанных и бессознательных представлений-ощущений человека о себе, но и направление его личностного роста и самосовершенствования, его

интенции в общении, в системе социальных и ролевых взаимоотношений [4].

Конструируемый образ мира не только субъективен, но и представляет собой сложную разноровневую систему, полностью проанализировать содержание которой можно только исходя из разных дискурсов. Таким образом, помимо иерархического строения в создаваемых человеком представлениях о себе и мире, можно констатировать и их отнесенность к разным областям. В то же время, необходимо разделять детерминации и закономерности развития и саморазвития, и механизмы, «запускающие» и направляющие это развитие. В качестве механизма может рассматриваться, например, переживание, соединяющее эволюционные и инволюционные, биологические и социальные параметры психического развития.

Социальный фактор может стать источником синергетических или энтропийных процессов, в случае совпадения/несовпадения двух планов в образе «Я». В переплетении этих двух тенденций и двух планов бытия личности (внешнем, социальном и внутреннем, духовном) и проявляется уникальность жизненного пути конкретного субъекта. Личность, как феномен социальный, не может жить вне социума, и поэтому необходима самоорганизация и, возможно, переструктурирование внутренних планов (способностей, мотивов) для того, чтобы найти группу идентичности — референтную группу и стать ее членом. Однако существующая при этом опасность конформизма является вполне реальным фактором, фрустрирующим самореализацию и обретение смысла жизни. Поэтому можно говорить о том, что нарушение баланса социальной и личностной идентичности может привести к закрытию «Я системы», т. е. к запуску дезорганизационных, энтропийных процессов (невротизации человека). При этом противоположные синергетические тенденции можно рассматривать как аналоги психологических защитных механизмов и копинг-стратегий, действие которых направлено на предохранение дальнейшего распада и замыкания личности, фиксации неадекватного содержания представлений человека о себе и мире. Обретение смысла жизни и баланса идентичностей может рассматриваться как важный синергетический феномен, который в то же время стимулирует субъекта и к расширению социальных контактов, и к личностному росту и самореализации.

При этом существует определенная закономерность, выражающаяся в том, что усиление внешних воздействий активизирует стабилизационный потенциал образа Я, внутренние ресурсы которого несут синергетическую функцию, уравновешивающую дестабилизирующие негативные воздействия среды и индивидуализирующие стиль жизни человека. Повидимому, эта взаимосвязь в некоторой степени отражает те же реципрокные отношения между знаком воздействия и его глубиной и осмысленностью, что и в законе эмоционального развития В. Штерна. Как любая самоорганизующаяся система, личность проходит через критические точки развития, что никак

не исключает ее дальнейшего саморазвития. Наиболее выпукло динамическое взаимодействие тенденций к самоорганизации и дезорганизации видно именно в эти периоды фазовых переходов, которые могут рассматриваться не только как кризисы, но и как точки бифуркации, и как периоды, когда актуализируются разновекторные процессы в развитии образа «Я».

Представляется, что разные стороны развития психики и разные подходы к пониманию ее содержания соотносятся с двумя уровнями детерминации. Первый уровень, направленный на эмоциональное благополучие и поддержание психического здоровья, активизирует синергетический потенциал человека, связанный с общими закономерностями психической жизни (с законом Н.Н. Ланге, В. Штерна) [2; 12].

Второй уровень опосредован культурными и индивидуальными трансляторами; действие стабилизационных тенденций в этом случае направлено на самореализацию, придание смысла собственной жизни в рамках своей культуры и своего общества, осознание своей самобытности, уникальности и ценности для окружающих. Это задает индивидуальные траектории развития, позволяющие выбрать оптимальный стиль жизни, соотношение между внешними и внутренними границами во взаимодействии человека с миром, т. е. индивидуализировать как представления о себе, так и представления об окружающем пространстве-времени. Этот вариант детерминации приобретает особое значение в современном транзитивном (изменчивом и неопределенном) мире.

Культура как образующая научной школы

Особый характер развития любого научного направления в каждой стране является общим местом и не нуждается в особых доказательствах. Интерес представляет характер этих вариаций и анализ возможных причин их появления. Такой анализ может помочь в осознании закономерностей становления методологии научного знания, объективных и субъективных факторов, влияющих на ее развитие, а также предсказать пути дальнейшего развития научного знания, или хотя бы предвидеть его бифуркационные точки и перспективы.

Рассматривая развитие психологии только сквозь призму логики самой науки, мы не видим личности ученого, который является ее творцом, а такой взгляд после работ Марка Блока не представляется адекватным и продуктивным. Кроме того, при таком подходе исчезает возможность изучить динамику возникновения открытий, появления новых взглядов на психику. То есть, говоря словами Х. Рейхенбаха [15] история психологии рассматривает развитие психологии в контексте обоснования, а не в контексте открытия, так как вопрос о зарождении идей не имеет отношения к логике науки как таковой, как совершенно справедливо заметил еще К. Поппер [6].

Рассматривая роль культуры в развитии как отдельной личности, так и научной школы, необхо-

дим обратиться к концепции Г. Шпета, которая не только раскрывает механизмы социализации человека, но и помогает преодолеть натуралистическую позицию в психологии. Трактовка Шпета понятия «человек» давала возможность соотносить внутреннее содержание, присущее только личности, с миром культуры. Цикл эстетических работ Шпета, с точки зрения современной психологии, важен не только тем, что в нем по-новому ставятся вопросы творчества и психологии искусства, сколько в том, что сама психология искусства позволяет ответить на вопрос о влиянии культуры на самосознание человека.

Для психологии личности здесь во многом заложен и ответ на актуальный вопрос о взаимосвязи личностной и социальной идентичности. Положение Г. Шпета о культуре как образующей личности открывает пути для исследования процесса социализации в современной изменчивой и неопределенной ситуации, которая умножает точки бифуркации в развитии личности и дает основания для появления множественности аспектов «Я» в разных ситуациях и разных группах [11].

Г. Шпет подчеркивал, что культура, и особенно искусство, остаются неизменными даже тогда, когда меняются быт, мировоззрение, политические и структурные аспекты социальной ситуации человека. Это постоянство и выделяет культуру как фактор, помогающий «восстановить связь времен»; именно культура, эмоционально воспринимаемая как единое целое, как часть социальной, этнической и личностной идентичности, дает укорененность и устойчивость, позволяя найти точки опоры в изменяющейся действительности и восстановить утраченную целостность восприятия мира и себя. Культура, в случае успешной инкультурации, эмоционально воспринимается как единое целое. Так формируется одна из важнейших составляющих структуры самосознания личности — Я — культурный человек [11].

Важный момент связан с тем, что включение в социальную идентичность культуры как фактора стабилизации дает возможность в меньшей степени использовать в качестве такого фактора этническую идентичность, которая также дает укорененность и уменьшает неопределенность настоящего и будущего. В современной ситуации этот вопрос приобретает исключительную важность, так как включение этнической идентичности как стабилизационного фактора во многом становится причиной нетерпимости к другим народам и социальным группам. Это доказывает и реальность нашего времени, когда социальная нестабильность в многонациональных государствах проявляется в обострении национальных конфликтов. Возможно, что межнациональные конфликты становятся оборотной стороной тех процессов глобализации, которые характерны сегодня и для Европы, и для мира в целом. Опасения раствориться в мировой культуре, потеряв свою национальную специфику, фрустрация потребности в этнической идентичности (особенно в позитивной идентичности), усиливает недоверие к другим народам, негативное

отношение к ним. Как показывают исследования, подобные конфликты особенно непримиримы, когда формирование социальной идентичности начинается происходить преимущественно на основе национальной составляющей идентичности, в то время как доминирование культурной идентичности повышает толерантность.

Таким образом, можно утверждать, что в концепции Шпета была сделана попытка разработать одну из первых синергетических теорий, в которой культура может рассматриваться как фактор, структурирующий и выстраивающий процесс социализации и становления социокультурной идентичности в кризисные периоды. Особенно важным данное положение становится в настоящее время, которое может быть охарактеризовано как транзитивное.

Психологическая транзитивность

В настоящее время представления об изменчивости (транзитивности) социального пространства является достаточно общим местом. Однако понимание того, каким образом эти изменения сказываются на личности, содержании и структуре ее идентичности, процессе ее социализации, все еще остается туманным. В определенной мере это связано с тем, что транзитивное общество по определению является междисциплинарным понятием, сущность которого, естественно, различается в разных науках — философии, культурологии, социологии, психологии. Не меньшее значение, по-видимому, имеет и тот факт, что в современном изменчивом и неопределенном обществе социальное пространство по своей сути не может иметь устойчивого и определенного содержания. Поэтому, прежде всего, представляется важным уточнить собственно психологическое содержание понятия «транзитивность», которое вбирает в себя как социальные трансформации, так и изменчивость социальных представлений и ценностей, и неопределенность норм и установок.

Прежде всего встает вопрос о том, насколько созвучны тенденции к междисциплинарности, ясно прослеживаемые в науке в настоящее время, тем трансформациям, которые происходят сегодня в мире. Даже поверхностный анализ дает возможность увидеть некоторые кардинальные изменения, наиболее характерные для сегодняшнего дня. Новой эпохе, в частности, свойственны такие черты, как глобализация, серьезные межэтнические и межконфессиональные конфликты, представления о пассионарности и активности людей в конструировании окружающего мира, ярко выраженное состояние неопределенности в понимании целей и направления развития общества. Изменчивость мира и его образа в сознании людей разной ментальности, образования и социальной принадлежности меняет и само представление о межличностных и межгрупповых отношениях и аттрактивности партнеров, проблематизируя или, напротив, упрощая контакты с людьми другой культуры.

В целом, психологический анализ понятия «транзитивное общество» показывает, что такое общество характеризуется следующими феноменами:

- кардинальными социальными трансформациями;
- глобализацией, которая ведет к расширению пространства, в том числе и пространства межличностных контактов;
- усилением социальной неопределенности, связанной, прежде всего, с постоянными трансформациями ценностей, норм, эталонов в современном, изменяющемся мире;
- увеличением продолжительности временного периода процесса социализации, активизацией ресоциализации и текучей социализации;
- расширением информационного пространства и усилением его роли, частично заменяющей межпоколенные связи.

Проявления глобализации сказываются не только на экономике и политике, но затрагивают все стороны взаимодействия разных культур — от обмена технологиями и совместных научных разработок, до смешанных браков. Существенное влияние оказывают эти процессы и на восприятии людьми окружающего пространства, которое начинает восприниматься как свернутое, а сама Земля — как небольшая планета, расстояния между разными точками на которой совсем не так велики, как прежде казалось. Естественно, это не может не проявиться в представлениях об окружающем мире. Если в прежние века время и пространство казались людям бесконечными, ведь жизнь вечна, а земля — огромна и обойти ее невозможно, сегодня люди понимают быстротечность и ограниченность жизни и легкость перемещения в пространстве. Это придает другую ценность жизни, а также необходимость принятия факта существования других людей и других культур. Увеличение миграции также приводит к необходимости межличностного взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам, поэтому огромное значение приобретает анализ причин дезадаптации людей к новым условиям жизни, неприятие или пассивное отторжение той культуры, тех традиций, которые являются значимыми для нового социального окружения.

В то же время взаимодействие людей, имеющих разную ментальность, разные языки, разные ценности, приводит к необходимости осознания и на бытовом, и на научном уровне относительности наших представлений об истине, о том, «что такое хорошо, а что такое плохо». Важным становится оценка одной и той же позиции с разных точек зрения, в разных подходах и разных науках.

Все эти изменения приводят к необходимости пересмотра понятий «идентичность» и «социализация» и к разработке новой методологии и нового инструментария для исследования их содержания.

Говоря об особенностях идентичности в транзитивном, постоянно изменяющемся мире необходимо подчеркнуть, что проблема идентичности всегда актуализировалась в сознании и ученых, и общества в периоды слома, кризиса, неопределенности, когда вставали вопросы о том, какие нормы, ценности, эта-

лоны будут востребованы завтра, как будут трансформироваться нормы и правила поведения. С точки зрения личности, эти проблемы ставят во главу угла основной вопрос: что же будет с человеком, сохранит ли он себя как целостную личность в новых условиях?

Трансформации процесса социализации, разведение процесса и результата (социализированности) приводит к изменению соотношения персональной и социальной идентичности. Это связано, прежде всего, с тем, что в транзитивном обществе баланс идентичностей является неустойчивой характеристикой, постоянно смещающейся то в одну, то в другую сторону. Поэтому часто, особенно при широком выборе возможностей выбора группы идентичности, доминирует именно личностная, персональная, а не социальная составляющая. Человек получает возможность сформировать (создать), исходя из своих представлений о значимой и соответствующей его индивидуальности, группу, в которой социальная идентичность почти тождественна персональной. Интернет-общение и сетевые сообщества также стимулируют создание новых соотношений между персональной и социальной идентичностями, которые связаны уже не только с реальными, но и с виртуальными группами. Рассматривая идентичность с этой точки зрения, можно констатировать, что с расширением Интернет-общения происходит увеличение области мнимой и виртуальной идентичности. Существенно возрастает и роль самомониторинга, который дает возможность человеку не только для самокатегоризации, но и для самопредъявления, демонстрации как реальных, так и мнимых качеств, существование которых доказывается не в реальном взаимодействии, но в рассказе о себе.

Поэтому в современной ситуации общения развивается феномен нарративной идентичности, проявляющийся в том, что в межличностных контактах увеличивается процент рассказов о себе, а не предъявления себя в действии, в том числе и групповом. Этот факт непосредственно отражается и в игре идентичностей — возможности попробовать себя в разных масках, разных ролях, что часто повышает осознанность ролей и себя в них. При этом сетевые сообщества, с одной стороны, дают возможность гибкой и позитивной социализации, с другой — помогают найти разные варианты «игры» со своей идентичностью.

При нахождении/создании группы идентичности (как реальной, так и, особенно, виртуальной) происходит самоподтверждение выдуманных (или появившихся в «игре») личностных характеристик, а традиционная связка «категоризация—самокатегоризация» трансформируется в «самомониторинг—самоподтверждение».

Важным моментом является тот факт, что в ситуации изменений и неопределенности, целостность идентичности связывается с культурой, а не с преемственностью жизненных циклов. Это актуализирует понятия лингвистической и социокультурной идентичности. Инкультурация, принятие и присвоение культуры являются одним из важных факторов, определяющих успешность социализации в новых усло-

виях. Родная культура, язык остаются неизменными в изменяющемся мире. Поэтому инкультурация дает укорененность и устойчивость, необходимые в сегодняшней жизни, которая многими воспринимается как разломанная, неопределенная. Именно культура, эмоционально воспринимаемая как единое целое, дает укорененность и устойчивость, позволяя найти точки опоры в изменяющейся действительности и восстановить утраченную целостность восприятия мира и себя. Говоря о роли языка в развитии идентичности, необходимо помнить о том, что в данном случае понятие «язык» используется в самом широком смысле этого слова и не может отождествляться с «речью». При этом в понятие языковой формы вкладывается не лингвистическое или философское, но психологическое содержание, аналогичное современному нарративному подходу, рассматривающему человека как текст, который пишется (и выражается, и понимается) с помощью определенного языка.

Соединение двух линий развития — социализации и индивидуализации — приводит в современной ситуации к появлению разных вариантов устойчивых субкультур, в которых реализуется и формируется новый баланс персональной и социальной идентичности.

Методология исследования психологической транзитивности

Усложнение и развитие современной психологии не может не сказаться на ее категориальном строе. Модификация принципов классической психологии и разработка новых, неклассических и постмодернистских подходов, подразумевает с необходимостью включение в картину новой психологии вновь открытых феноменов психики, а также, что особенно важно, трансформации ее категориального строя. Поэтому современная наука исходит из междисциплинарного характера представлений человека о действительности и использует различные дискурсы при интерпретации этих представлений.

Междисциплинарность и мультипарадигмальность современной науки сказываются, прежде всего, в том, что возникают новые категории, а также новые соотношения между ними, которые не входят в старую категориальную сетку. При этом вызывает интерес не столько пересмотр самих категорий, сколько анализ их модификации и подходы к исследованию в разных областях психологии — персоналистической, возрастной, социальной, клинической психологии, а также анализ тех принципов и законов, которые универсальны для всех областей психологического знания.

Основные принципы и категориальный строй психологии непосредственно связаны с общепсихологической проблематикой. Однако в исследовательских программах генетический или клинический подход часто позволяют выявить важнейшие для общей психологии феномены и закономерности, осветить и уточнить вопросы общепсихологической значимости, в частности, вопросы тезауруса, соот-

ношения понятий, разработанных в разных психологических направлениях и наполненных новым, разнообразным содержанием, широко используемым в настоящее время. В современной методологии категории не только могут изменять, модернизировать свое содержание, но, что особенно важно, выстраиваются новые связи, соединяющие, например, категории зрелости и социализации, идентичности и кризиса, которые в традиционной схеме входят в разные разделы категориальной матрицы.

Методологические проблемы при изучении транзитивного мира связаны не только с необходимостью постоянной оценки и переоценки теоретических и исследовательских парадигм, но и с необходимостью постоянной переоценки и реинтерпретации полученных материалов. Транзитивность (изменчивость, неопределенность и вариативность) общества может рассматриваться по аналогии с микромиром в точных науках, т. е. многие законы стабильного общества здесь не работают. Они имплицитно присутствуют и, конечно, не отрицаются. Но, как, например, и в физике, другая ситуация диктует появление других закономерностей функционирования и развития психики, а также ее феноменологии, которая и фиксируется в исследованиях. Точно так же, как законы классической физики, открытые И. Ньютоном, сохраняют свою значимость и в настоящее время, но к ним с необходимостью добавляются и законы А. Эйнштейна, Н. Бора, В. Гейдельберга и других ученых.

Аналогию дополняет и тот факт, что в транзитивном обществе усиливается неопределенность и вариативность, в то время как в стабильном обществе доминируют достаточно жесткие причинно-следственные отношения. Именно это постулировала и физическая концепция неопределенности, которая разрабатывалась В. Гейдельбергом в середине XX в. В этой концепции, в частности, доказывалось, что фактически невозможно не только предвидеть будущее направление движения частиц, но и точно понять, какой путь они проделали в прошлом. Единственное, что объективно возможно — это увидеть положение частицы в конкретный момент времени.

Тем более важным на сегодняшний день является анализ методологических проблем современной психологии, ее связей с другими дисциплинами и отраслями знаний, а также разработка современных оснований построения категориального строя не только теоретической, но и исследовательской, и прикладной методологии в соотношении с эпистемологическими и социальными парадигмами.

Для решения этой проблемы, прежде всего, нужно осознать, что современные парадигмы — это не жесткие конструкты, но скорее гибкие и изменчивые гештальты. Поэтому можно говорить, что изменение социального контекста сегодня подразумевает и гибкость эпистемического аспекта парадигмы (т. е. множественность вариантов содержания образца и, особенно, представлений о предмете и методах исследования). Современная парадигма отличается проницаемыми границами и возможностью переструктурирования, т. е. это не замкнутый эталон

определенной школы, но открытая форма, что также соответствует идеологии открытого общества.

При этом изменяется теоретическая парадигма, которая включает в себя разные дисциплины и разные аспекты психологического знания, и, особенно, исследовательская, которая может совмещать в себе разные подходы. Поэтому в настоящее время главной особенностью современной методологии становятся разнообразные исследовательские конструкты, которые меняются, модифицируются, вбирая в себя новые факты и новые аспекты действительности, например, модель психического [8], социальная психология науки [13], психология социального познания [1].

Исследовательская значимость этих конструктов связана с тем, насколько они открыты для изменений, одновременно сохраняя свою структуру и ядро. Их важной характеристикой является гибкость и соотнесенность и с транзитивной действительностью, и друг с другом. То есть можно говорить скорее не о разных, отдельных конструктах, но о гибком гештальте с разными полями: когнитивным, социальным, эстетическим...

Теоретическая парадигма является в некотором роде образцом при осмыслении и интерпретации знаний, конструировании (создании) образа окружающей действительности. Такая парадигма может быть жесткой, с четким набором иерархических инвариант (матрица), что и понималось под теоретической парадигмой до недавнего времени. П. Фейерабенд, И. Лакатос [10; 3] и другие ученые не пересматривали само понимание парадигмы как образца, но переосмысливали абсолютную/относительную достоверность/недостоверность полученного при ее помощи знания. Сегодня можно говорить о том, что гибкая и сложно сконструированная парадигма вбирает в себя несколько, гармонично связанных между собой (что очень важно для ее работоспособности) подходов к пониманию, интерпретации материала, полученного при изучении, анализе разных сторон окружающей

действительности и в разных условиях. Они могут дополнять и частично перекрывать друг друга, как бы поворачиваясь к окружающему разными сторонами. При этом эпистемическая парадигма сочетается с социальной, но не детерминируется ею.

Исследовательская парадигма определяет набор методов, задающих образец исследования, точнее, создания дизайна исследования. В настоящее время нужно говорить скорее не о гибкости этих парадигм, но о необходимости преодолеть их частичную размытость и связи внутри них несочетаемых элементов/методов. В отличие от теоретических, эти парадигмы не зависят от социальных, точнее, зависят только в той мере, что социальный контекст фундирует выбор объекта исследования, но не его дизайна.

Основные положения историко-генетической парадигмы

Историко-генетическая парадигма представляет собой системное направление, фокусированное на анализе развития в рамках определенных исторических и культурных условий и научных парадигм. Представляется, что она является одним из наиболее адекватных инструментов для исследования развития и модификации категориального строя психологии транзитивного общества.

Историко-генетическая парадигма фокусируется на анализе развития психологической науки по горизонтали (связь с другими науками и связь отдельных проблем-категорий между собой) и вертикали (параметры прогресса, роль субъективных и объективных факторов в развитии науки) (рис. 1). Этот подход исходит из того, что развитие научного знания детерминировано как объективными, так и субъективными факторами и предполагает четыре направления исследования процесса формирования психологических концепций.

Первое направление концентрируется на изучении общих закономерностей процесса развития психологической науки, поэтому ведущими методами исследования здесь являются введенные М.Г. Ярошевским понятия логики и социальной ситуации развития науки [14]. Этот аспект исследований может рассматриваться как один из вариантов науковедческого анализа.

Фокус внимания второго направления анализа — формирование знаний о развитии психики в контексте истории и культуры. Здесь рассматривается возможность применения понятия прогресса к процессу становления психологии, а также критерии прогресса, понимаемого как кумуляция знаний о движущих силах и механизмах развития психики. Еще одной проблемой, рассматриваемой в русле этого направления, является изучение относительности (конвенциональности) знаний и их специфика в рамках определенной культуры. В этом случае культура представляется своеобразной парадигмой (социальной, а не эпистемической), имеющей более или менее жесткие границы, отделяющие ее от других культур.

Рис. 1. Горизонтальные и вертикальные связи историко-генетической парадигмы

На третьем направлении исследований в центр внимания попадают закономерности становления и распада отдельных научных школ и особенности развития психологии в рамках конкретной школы. В этих исследованиях используется как инструментарий, предложенный М.Г. Ярошевским (опponentный круг, научная школа, когнитивный стиль), так и разработанные в философии науки и в работах К. Поппера И. Лакатоса и П. Фейерабенда понятия «дискурс», «конкуренция идей», «концепция “предположений и опровержений”».

Последнее направление связано с изучением генезиса психологических знаний по отдельным проблемам. В этом случае также используются понятия опponentного круга и когнитивного стиля, а также идея прогресса, но здесь она точнее представлена именно как кумуляция знаний.

Связь между разными уровнями-направлениями анализа достаточно сложная и многоаспектная, так как они пересекаются-соприкасаются друг с другом по многим направлениям (рис. 2).

При изучении генезиса научных школ невозможно исключить из рассмотрения общую социальную ситуацию развития науки. Логика научного знания во многом фундирует накопление знаний по отдельным проблемам и структуру категориального строя психологии.

История тесно связана с социальной ситуацией развития науки, а культура — еще и с логикой. При этом культура как расширяет, так и ограничивает подход к исследованию разных проблем, а сами границы научного анализа являются конвенциональными и связаны с ценностями и установками культуры.

Общая картина психологической науки может рассматриваться как своеобразный аналог сети и невода. При этом сетевой принцип распространяется преимущественно на изучение того, каким образом отдельные проблемы связываются в целостную систему знаний (рис. 3).

Рис. 2. Взаимосвязь уровней-направлений историко-генетической парадигмы

Сетевой принцип организации категорий раскрывает их взаимосвязь, а также открывает возможности встраивания в уже имеющуюся сеть новых категорий. Этот принцип показывает также многоаспектность категориального строя, давая возможность выделить разные варианты построения сети, в том числе и разные направления в ее развитии, которые характерны для определенных областей науки. При этом новый сегмент в сетке категорий не обязательно должен рассматриваться как «пустое место», но, скорее, как обозначение тенденции к ее расширению в определенную сторону, наиболее актуальную на данном этапе развития психологических знаний.

Образ невода используется при анализе того, каким образом разные теории соединяются при исследовании разных сторон одной проблемы (рис. 4).

Невод, объединяя разные категории и концепции, выстраивает их в целостную систему, имеющую одновременно и вертикальное, и горизонтальное измерение — разные представления о предмете анализа в одной концепции и однотипные представления в разных научных подходах. При этом гибкая и, одновременно, законченная сетка невода не дает этим отдельным понятиям растекаться в разные стороны, но улавливает, собирает их в единую систему.

Историко-генетическая парадигма дает возможность на базе сравнительного историко-психологического анализа не только найти способы решения проблем, наиболее созвучных настоящему времени, но и модифицировать их, исходя из тезауруса и запросов современной психологической теории и практики.

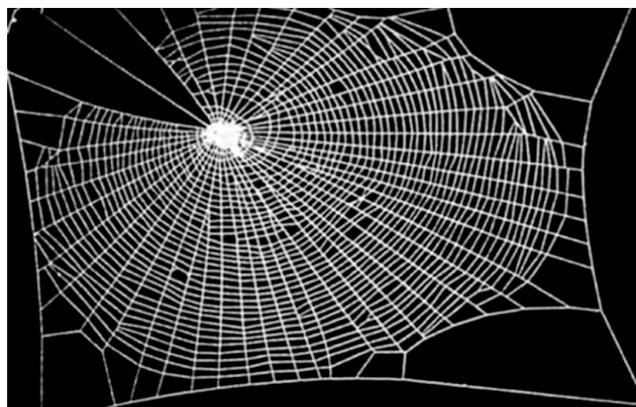

Рис. 3. Сеть как аналог системы знаний

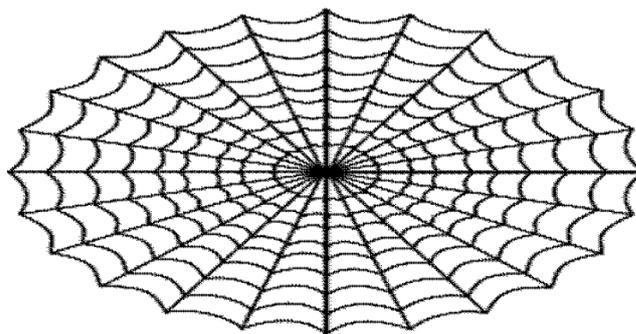

Рис. 4. Невод как аналог объединения категорий при изучении проблеме

Полученные в результате историко-генетического анализа материалы дают возможность не только вычленивать наиболее ценное в уже разработанных концепциях, но и, сопоставив их с современной ситуацией, раскрыть их потенциальные возможности, степень их адекватности социальным ожиданиям. Сравнительный анализ роли социальной перцепции и логики развития научных знаний помогает точнее понять многие психологические теории, прежде всего теории личности, в их взаимосвязи с обществом и психологической

практикой. Эти материалы необходимы и для развития теоретических концепций, и для практической работы, в частности, при решении вопросов модернизации системы образования, так как помогают избежать сделанных ранее ошибок и дают частичный прогноз дальнейшего развития психологического знания. Эти материалы имеют большое значение и в подготовке будущих психологов, так как раскрывают перед студентами перспективу комплексного использования и конструктивного развития психологии.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 14-06-00640 «Культура как образующая личности: современные тенденции и механизмы».

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2012. 288 с.
2. Ланге Н.Н. Психический мир: Избранные психологические труды. Москва; Воронеж: МОДЭК, 1996. 367 с.
3. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект, 2008. 475 с.
4. Марцинковская Т.Д. Образ Я в современном мире — константы и трансформации // Мир психологии. 2009. № 4. С. 142—149.
5. Методологические проблемы современной психологии — парадигмальный и междисциплинарный аспект / под. ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2005. 98 с.
6. Поттер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2004. 447 с.
7. Прогресс психологии: критерии и признаки / под. ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича.

М.: ИП РАН, 2009. 332 с.

8. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: ИП РАН, 2009. 412 с.
9. Социальная психология в современном мире / под. ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002. 336 с.
10. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 413 с.
11. Шпет Г.Г. Философия и психология культуры. М.: Наука, 2007. 478 с.
12. Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: ИП РАН; Наука, 1998. 335 с.
13. Юревич А. В. Социальная психология науки. СПб: РХГУ, 2001. 350 с.
14. Ярошевский М.Г. Историческая психология науки. СПб: Наука, 1994. 352 с.
15. Reichenbach H. Modern philosophy of science. Selected essays. Foreword by R. Carnap. L; N. Y., 1959. 198 p.

History, Culture and Development as a Basis of Historical-Genetic Paradigm

T.D. Martsinkovskaya*,

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
tdmartsin@gmail.com

Methodological problems of modern psychology are considered, the necessity of creation psychology as multi-paradigm science, which includes both – humanitarian and natural sciences is shown. The maintenance of two levels of determination of mentality's formation, significant for the different spheres of mental development reveals. The first level, directed on maintaining emotional well-being is associated with general laws of formation of the psyche, while the second is directed on personal self-realization and mental development process mediated by cultural and individual translators. The concept «psychological transitivity» is entered and options of creation of the methodology adequate to challenges of the present, the necessity of mentality's investigation in the modern unstable and uncertain world are shown. The structure of historical-genetic paradigm discovers and reveals the maintenance of its four levels: common patterns of psychological science, psychics in the context of history and culture, the analysis of scientific schools, analysis of selected problems. The theoretical and practical value of historical-genetic paradigm is shown.

Keywords: methodology, psychological transitivity, determination, historical – genetic paradigm.

Acknowledgements

This work was supported by grant RFH № 14-06-00640 (“Culture as forming identity: current trends and mechanisms”).

References

1. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya [Psychology of social cognition] Moscow: Aspect-press. 2012. 288 p.
2. Lange N.N. Psikhicheskii mir: Izbrannye psikhologicheskie trudy [Psychological world: Selected psychological works]. Moscow-Voronez: MODEK. 1996. 367 p.
3. Lakatos I. Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki [Selected works on philosophy and methodology]. Moscow: Academic project, 2008. 475 p.
4. Martsinkovskaya T.D. Obraz Ya v sovremennom mire – konstanty i transformatsii [Self-image in contemporary world – constants and transformations]. *Mir psikhologii* [World of psychology], 2009, no 4, pp. 142-149.
5. Metodologicheskie problemy sovremennoi psikhologii – paradigmat'nyi i mezhdistsiplinarnyi aspekt [Methodological problems of the contemporary psychology – paradigm and multidiscipline aspect]. Moscow: Smysl [Meaning]. 2005. 98 p.
6. Popper K. Logika nauchnogo issledovaniya. [The logic of scientific research]. Moscow: Republic, 2004. 447 p.
7. Zhuravlev A.L. (eds.) Progress psikhologii: kriterii i priznaki [The progress of psychology; criteria and signs]. Moscow: Institute of psychology Russian academy of science. 2009. 332 p.
8. Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Prusakova O.A. Model' psikhicheskogo v ontogeneze cheloveka [Mental model in human being ontogenes]. Moscow: Institute of psychology Russian academy of science, 2009. 412 p.
9. Andreeva G.M. (eds.) Sotsial'naya psikhologiya v sovremennom mire [Social psychology in contemporary world]. Moscow: Aspect-press, 2002. 336 p.
10. Feierabend P. [Feyerabend P.K.] Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniya [Against method. Essay on anarchist theory of knowledge]. Moscow: AST; Khranitel', 2007. 413 p.
11. Shpet G.G. Filosofiya i psikhologiya kul'tury [Philosophy and psychology of culture]. Moscow: Nauka, 2007. 478 p.
12. Shtern V. Differentsial'naya psikhologiya i ee metodicheskie osnovy [Differential psychology and its methodological basis]. Moscow: Institute of psychology Russian academy of science. Nauka, 1998. 335 p. (In Russ.).
13. Yurevich A. V. Sotsial'naya psikhologiya nauki [Social psychology of science]. Saint Petersburg: RKhGU, 2001. 350 p.
14. Yaroshevskii M.G. Istoricheskaya psikhologiya nauki [Historical psychology of science]. Saint Petersburg: Nauka, 1994. 352 p.
15. Reichenbach H. Modern philosophy of science. Selected essays. Foreword by R. Carnap, L-N. Y. 1959. 198 p.

For citation:

Martsinkovskaya T.D. History, Culture and Development as a Basis of Historical-Genetic Paradigm. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 4, pp. 69–78. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2015110406

* Martsinkovskaya Tat'yana Davidovna, PhD in Psychology, professor, head of the Laboratory of Adolescent Psychology, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, e-mail: tdmartsin@gmail.com